

УДК 811.133.1 (075.8)

МОТИВ И МОТИВАЦИЯ В МИФОЛОГИИ РОЛАНА БАРТА

З. Н. Афинская

**Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия**

MOTIVE AND MOTIVATION IN THE MYTHOLOGY OF ROLAND BARTHES

Z. N. Afinskaya

Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Moscow, Russia

Summary. The article considers the problems of the motivational level of analysis of linguistic identity on the example of the myth-making of the modern society, as one of the varieties of discourse.

Key words: discourse; myth; motivation; Roland Barthes.

Правомерность концептуальных исследований общепризнана, но их актуальность требует обоснования, так как они пересекаются с традиционным исследованием лексико-семантических групп, с фреймовым анализом. Их актуальность, во многом, объясняется расширением общегуманитарного знания, растущим интересом к этнокультурным характеристикам «человека говорящего», к мотивационному уровню анализа языковой личности – проблематике, введённой в лингвокультурологию и когнитивистику Ю. Н. Карауловым [6]. В рамках этих научных направлений сформировалась сфера основных понятий – концепт, концептосфера и др. Но расширение поля исследований вызывает необходимость появления новых терминов – наряду с *концептом* все большую актуальность приобретают такие понятия как *образ, тема, мотив, дискурс*. Освоение и внедрение новой терминологии говорит об актуальности лингвокультурологии, о потенциале её развития в направлении комплексного изучения таких понятий, как «человек говорящий», национальная языковая личность, язык и ментальность, материальная, духовная и повседневная культура [2].

Мотив в качестве одного из понятий когнитивной лингвистики [3, с. 34]

был внедрён во французскую семиологию Роланом Бартом (Roland Barthes, 1915–1980), причём Р. Барт на этом направлении стремился найти пути сближения языка семиотики с повседневностью, с теми фактами жизни общества, которые усваиваются преимущественно через массмедиа. Поиски единства мира и слова, взаимодействие значения слов и создаваемой ими картины мира, изменение смысла слова в политическом дискурсе – эта тематика лежит в основе конституирующих мотивов мифологии Ролана Барта.

Мифы современного общества, согласно концепции Р. Барта, порождены смыслами, которые внедряются в общественное сознание через языковые штампы, клише, навязываемые, в частности, современными СМИ. Языковая личность существует в особом, зачастую вымышленном мире – мире языковых штампов, которые порождают общественное мифотворчество. Исследуя дискурсы¹ современного общества, Барт пришёл к идее, что содержание мифа, его мотивы всецело актуальны при том, что словесное выражение мифа мо-

¹ Дискурс – понятие когнитивной лингвистики, но используется также в рамках лингводидактики как синоним понятия о функциональном стиле.

жет опираться как на неологизмы, так и на существующие языковые модели, штампы, клише. Современный миф дискретен; он высказывается в виде дискурса, стереотипных фраз, а не как большой рассказ. Можно сказать, опираясь на семиотические исследования Ю. С. Степанова, что естественным ареалом современного мифотворчества является дискурс. Это подтверждает его гипотезу о том, что дискурс является «всегда (здесь и далее в цитате разрядка автора), в том числе и в наши дни, выражением какой-то мифологии» [7, с. 41].

Миф, по Барту, будучи качественной характеристикой общества в каждый данный момент, с одной стороны, актуален, а с другой – принадлежит коллективной памяти этноса. Миф всегда мотивирован, но в разной степени, и в плане содержания и в своей форме: «В мифе есть два момента, делающих его предметом истории, – форма, которая мотивирована лишь относительно, и понятие, которое исторично по своей природе» [1, с. 199]. Явно выраженная в мифе мотивация содержит ряд мотивов-причин, но причины могут иметь и скрытую форму, что не снижает их значимости в формировании мифа.

Наличие постоянно повторяющихся мотивов характерно для художественного произведения, к которым относится в числе прочего и миф. Так, «творчество Жюль Верна, – писал Р. Барт, –... могло бы составить хороший объект для структурной критики; оно богато устойчивыми мотивами...» [1, с. 144]. Причём устойчивые, повторяющиеся мотивы обладают свойством бинарности, дихотомии. Так, мотивы путешествия в произведениях Ж. Верна, отмечал Р. Барт, «имеют противовесом разработку мотивов укромности...».

В эпоху наукоцентризма (начиная с 60-х годов XX века) в мировой культуре, в эпоху победившей научно-технической революции степень отрыва

науки, с одной стороны, от повседневности и от национальной культуры, с другой, достаточно ощутима. Р. Барт обратился к исследованию мифологического подтекста дискурса социологии и политологии, представляющих одно из актуальных научных направлений. Согласно его теории, миф создаётся на основе нескольких мотивов, каковым может стать биография известного учёного, основные положения его теорий, как, например, жизнь и научное творчество Эйнштейна. В этом мифе, созданном современным обществом «...присутствуют все характерные мотивы гностицизма: природа едина, мир в идеале сводим к одной основе, слово обладает силой открытия, речь испокон веков борется с тайной, целостное знание может быть открыто лишь всё сразу, подобно замку сейфа, который после множества неудачных попыток внезапно срабатывает» [1, с. 157].

Эти мотивы перетекают из описания творчества одного учёного в тексты о других учёных, они становятся схемой определённого дискурса, востребованного обществом, воспитанного на актуальной мифологии.

Неоднократно используя понятие «мотив», Ролан Барт, тем не менее, не формулирует его терминологическое содержание. Мотив в контексте мифологии Р. Барта, скорее, выступает если не синонимом, то аналогом понятий *образ* и *тема*, принятых в литературной критике и в философии. Так, у французского эпистемолога Гастона Башляра в значении существенного и повторяющегося элемента мифологии находим такие термины, как *thème*, *mythologème*, *archétype* (тема, мифологема, архетип) [8, с. 114–116].

Мотивация понимается Бартом как объяснение фактов действительности, как аргумент логики здравого смысла. Напротив, всё то, что кажется необычным, противоречащим здравому смыслу, объявляется, как замечает

Р. Барт, немотивированными действиями. Немотивированное в концепции Р. Барта – это то, что выпадает из причинно-следственных отношений, базового принципа логики здравого смысла: «Всякий раз, как нечто видимое кажется немотивированным, здравый смысл бросает в бой тяжелую кавалерию символа... поскольку он, несмотря на свою абстрактную сторону, объединяет зримое с незримым под знаком количественного равенства (одно *значит* другое)» [1, с. 152]. Так, например, отсутствие чётко выраженной мотивации в политических высказываниях создаёт у слушателей или читателей впечатление легковесности доводов, их необоснованности или даже сокрытия истинных мотивов; тем самым возникает разрыв между властью и обществом, который служит источником новой политической мифологии.

«Найти смысл для формы» – так можно было бы, по Барту, сформулировать потребности в мотивации дискурсов. «В мифе как таковом смысл никогда не бывает в нулевой степени, – писал Р. Барт, – и как раз поэтому он может деформироваться и натурализоваться понятием. <...> отсутствие смысла – совсем не то же самое, что его нулевая степень; оттого-то миф так хорошо и завладевает таким отсутствием, приписывает ему значение «абсурда», «сюрреализма» и т. д.» [1, с. 292].

Абсурд возникает вследствие невозможности рационально интерпретировать коммуникативный акт [5, с. 44–57], осознать рациональную мотивацию этого акта, что даёт основание называть такие акты абсурдными, поэзией абсурда или театром абсурда, в зависимости от жанровой ориентации текста.

Отсутствие вербализованной мотивации в сюрреалистических произведениях обладает одним существенным качеством, которое отличает его от политического дискурса – отсутствие вербализованной мотивации поэтиче-

ского образа не может рассматриваться как его недостаток: автоматизм как способ записи поэтических образов только на первый взгляд не несёт в себе мотивации. Если есть повторяющиеся, релевантные мотивы (пусть даже в созвучиях или в сочетании цветов) они неизбежно складываются в определённую картинку (символ или образ). В качестве примера можно вспомнить знаменитое высказывание-манифест французского поэта-сюрреалиста Жака Превера: «*Je phonographe pour les splendides idiots des boulevards extérieurs*» (Я фонографирую для великолепных идиотов окраинных бульваров. – Пер. З. А.).

Образ всегда мотивирован – звукосочетаниями, цветом, музыкой, желанием творить. Мотивация связана с установлением причин совершившихся фактов, будучи констатацией того, «что происходит во фрагменте мира» [7, с. 71].

Устойчивые мотивы создают прочный фундамент целостного повествования в разных дискурсах. Как писал Р. Барт, в мифе «...значение никогда не бывает вполне произвольным, оно всегда частично мотивировано, неизбежно содержит в себе долю аналогии. <...> Мотивированность мифа обусловлена самой его двойственностью – миф играет на аналогии между смыслом и формой, нет такого мифа, где бы форма не была мотивирована» [1, с. 285]. Наличие логической и психологической мотивации отличает миф от абсурда.

В политической мифологии, которую можно рассматривать как комплекс стереотипов, осознанно, порожаемых в СМИ, одним из наиболее значимых, по мнению Барта, мотивов является мотив разрыва, непонимания между обыденным сознанием и политикой, проводимой определённым режимом. Мотивация критики современного общества – в рамках мифологии Р. Барта – сводится к тому, чтобы

найти смысл бессмысленным, с точки зрения философа, тенденциям его развития. Идеологическая тематика современного мифотворчества продуцирует такие мотивы, как «толпа и власть, политическое мифотворчество, массмедиа, манипулирование общественным мнением...» [4, с. 16].

Ролан Барт создал собственную систему *мотиваций* возникновения и создания мифологии современного общества. Первый этап на этом пути называется «мистификация», или подмена одного слова другим, менее понятным обычному члену общества, для обозначения какого-либо социального явления. Далее идёт процесс «объяснения» созданной мистификации – для найденного слова-термина, служащего формой идеи, подыскивается новый смысл. Видимая беспричинность созданной мистификации необходима, чтобы новый миф обретал статус естественного порождения, а новая семантика использованных слов не противоречила бы общепринятому значению.

Миф должен быть мотивирован с разных точек зрения – исторически, социально, психологически. Одной из главных тем его политической мифологии была критика буржуазного общества, *мотив* взаимоотношений между государством и обществом: «... мифология улицы позволяет разрабатывать излюбленный мотив всех политических мистификаций буржуазии – мотив разлада между народом и режимом» [1, с. 200].

В данном контексте *мотив* близок по своему смыслу общепринятому в литературной критике термину *тема* или *сюжет*, означая некий постоянно повторяющийся *мотив*.

Концепция Р. Барта не лишена и внутренней противоречивости, которую, на наш взгляд, можно было бы объяснить таким конституирующим признаком концепта, как бинарность, или внутренняя амбивалентность, или дуализм и антитеза. Обосновав необ-

ходимость мотивации мифа в качестве первого этапа его порождения, он замечает: «мифу не мешает даже полное отсутствие всякой мотивации, ибо само это отсутствие оказывается настолько объективировано, что уже поддается чтению; и вот отсутствие мотивации само становится вторичной мотивацией, восстанавливая в правах миф. Мотивация здесь фатально неизбежна. Вместе с тем она сугубо фрагментарна» [1, с. 286]. Миф, состоящий из повторяющихся мотивов, создаёт, тем не менее, деформированный образ действительности.

Следовательно, делая ещё один шаг в сторону сферы мотивации, мы обязательно приближаемся к понятию *языковой личности*. У каждой личности имеется свой образ окружающей действительности, своё представление о материальном и духовном мире, своя картина мира. О её особенностях мы узнаем благодаря речевой деятельности человека, исходя из мотивов, которыми он руководствуется. Возникает языковая картина мира, свойственная каждому индивиду. В отличие от языковой картины мира (то, что выражено словом), мотивы поступков человека могут быть, как выражены в речи, так и не сформулированы чётко и ясно. Современный мир высказывается в виде стереотипных фраз, в разных дискурсах, с присущей им лексикой, грамматикой, семантикой, за которыми, как говорил Ю. С. Степанов, встаёт «особый мир» [7, с. 44].

Библиографический список

1. Барт Р. Мифологии / пер. с фр. – М. : Академ. проект, 2010.
2. Воробьев В. В. Культурологическая парадигма русского языка. Теория описания языка и культуры во взаимодействии. – М. : ИРЯП, 1994.
3. Демьянков В. З. Цивилизационные параметры когниции: лингвистика – эстетика – этика – психология – логика // Вопр. когнитивной лингвистики. – № 1. – 2013. – С. 32–47.

4. Загрязкина Т. Ю. Культура повседневности: миф или реальность? Или от обыденного до особенного один шаг // Франкофония: культура повседневности : уч. пос. – М. : Изд. Моск. ун-та, 2013.– С. 16.
5. Карасик В. И. Этноспецифические концепты // Иная ментальность. – М. : ГНОЗИС, 2005.– С. 44–57.
6. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – 7-е изд. – М., 2010.
7. Степанов Ю. С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца 20 века / под ред. акад. Ю. С. Степанова. – М. : Ин-т языкознания, 1995.
8. Bachelard G. La poétique de la rêverie. – Paris : PUF, 1999.
3. Demyankov V. Z. Tsvilazatsionnye parametry kognitsii: lingvistika – estetika – etika – psikhologiya – logika // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. – № 1. – 2013. – S. 32–47.
4. Zagryazkina T. Yu. Kultura povsednevnosti: mifilirealnost? Ili ot obydenogo do osobennogo odin shag / Frankofoniya: kultura povsednevnosti : uch. pos. – М. : Isd.-voMosk. Un-ta, 2013. – S. 16.
5. Karasik V. I. Etnospetsificheskiye kontsepty // Inayamentalnost. – М. : GNOZIS, 2005. – S. 44–57.
6. Karaulov Yu. N. Russkiyazyk i yazikovaya lichnost. – Izd. 7-e. – М., 2010.
7. Stepanov Yu. S. Alternativnymir. Diskurs. Fakt i printsip Prichinnosti / Yazyk I nauka kontsa 20 veka / pod red. akad. Yu. S. Stepanova. – М. : In-t yazykoznaneya, 1995.
8. Bachelard G. La poétique de la rêverie. – Paris : PUF, 1999.

Bibliography

1. Bart R. Mifologii / per. s. fr. – М. :Akadem. proyekt, 2010.
2. Vorobyev V. V. Kulturologicheskaya paradigma russkogoyazyka. Teoriya opisaniya

© Афинская З. Н., 2014